

На звонко-скачущем коне

До того как были изобретены автомобиль и паровоз (а это произошло относительно недавно, паровозу около двухсот лет, автомобилю — чуть больше ста), человек не мог обходиться без помощи коня. Он был главным помощником крестьянина. Без него и землю не вспашешь, и дров не запасёшь, и урожай не привезёшь. И на войне лошади тоже нужны. В поход — верхом, а позади конницы могучие животные везут пушки, и на многие вёрсты тянется обоз — повозки со снарядами и едой, походные госпитали, а иногда и семьи воинов. Не обойтись без коня ни охотнику, ни путеше-

ственнику. Из Москвы в Санкт-Петербург, меняя лошадей на специальных почтовых станциях, можно было добраться дней за восемь. Да и в городах ещё не было ни автобусов, ни троллейбусов; вместо них ходили *омнибусы* — большие повозки, запряжённые парой сильных и невозмутимых коней, — и конка (о ней ты тоже прочитаешь в этой книжке).

Стоит ли удивляться, что кони в Петербурге — на каждом шагу?

Самые известные, самые заметные кони несут на себе всадников. Конные памятники принято воздвигать лишь императорам и величайшим полководцам.





Медный всадник на Сенатской площади — возможно, самый знаменитый и самый узнаваемый памятник в Санкт-Петербурге.

Царь Пётр был великим тружеником и путешественником, и уж конечно, отличным наездником. Его любимую лошадь звали женским именем Лизетта (как она выглядела, можно узнать в Петербургском зоологическом музее, где хранится чучело лошади). Когда скульптор Этьен Фальконе создавал фигуру коня для Медного всадника, в его мастерской насыпали огромную гору песка, настелили поверх песка доски, и искусный кавалерист день за днём с разбега поднимал коня на дыбы на краю помоста, чтобы художник мог точно передать движения животного.

Медный всадник на самом деле отлит из бронзы. Александр Сергеевич Пушкин, который одним из первых назвал этим именем памятник, знал разницу (медь — очень мягкий металл, а бронза — это прочный сплав меди с оловом), он и сам называл его «кумир на бронзовом коне». Просто в те времена принято было в торжественных стихах называть бронзу медью. Великолепный орловский рысак взлетел на скалу и замер на самом её краю. Гордой рукою император Пётр указывает коню дальнейший путь. Мудр и грозен взгляд царя; грозно раздуты ноздри его коня, а под его копытами извивается поверженная змея.

А вот на Исаакиевской площади гарцует, кажется, что чудом держится на двух точках опоры **конь**



императора Николая I. Николай I правил Россией долго, почти тридцать лет. Как и все российские императоры, был он офицером, считал своим первейшим долгом защищать страну. Кроме того, Николай был ещё и отличным инженером, хорошо разбирался в технике и архитектуре. При нём в России начали строить железные дороги, и вот что интересно: именно император распорядился, чтобы ширина железнодорожной колеи у нас в стране отличалась от европейской. Это означает, что европейские паровозы и вагоны не могут ездить по нашим дорогам. Много лет спустя, во время Первой мировой, а потом и Великой Отечественной войны,

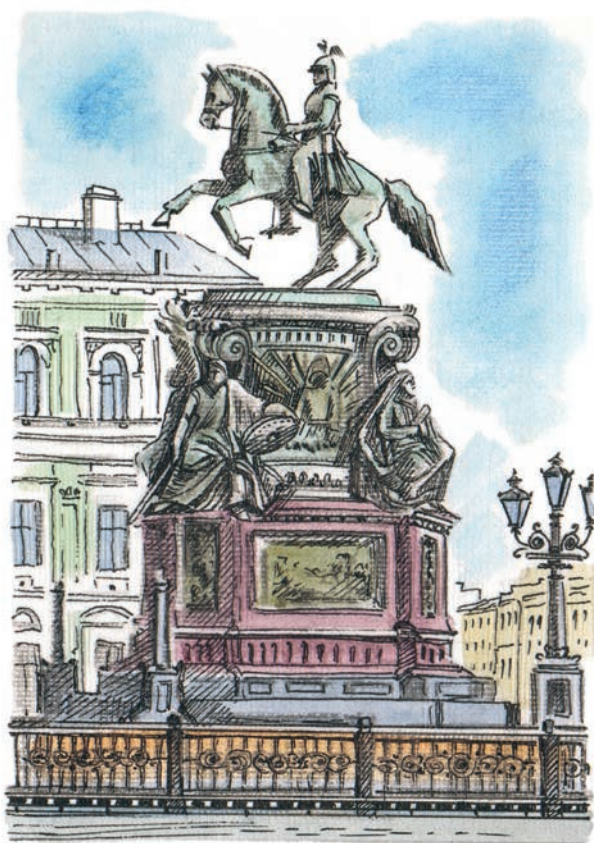
это решение императора сильно досаждало захватчикам: им трудно было подвозить своим войскам боеприпасы.

Автор памятника императору, скульптор Пётр Карлович Клодт, как и сам Николай, был страстным любителем и знатоком лошадей. Однажды он посмел устроить гонку с повозкой императора прямо на улицах столицы и, что самое ужасное, выиграл! Царь был разгневан, но простил скульптору его дерзость: уж больно хороши были его кони — и на триумфальных Нарвских воротах, и, особенно, на Аничковом мосту.

Кони под всадниками взнузданы и прекрасно вышколены. Но ведь изначально конь — дикое животное, резвится в табуне и не рвётся подставить шею под ярмо. Целую историю укрощения коня рассказал нам скульптор Клодт на **Аничковом мосту**, что перекинут через Фонтанку на Невском проспекте.

Этот мост украшен четырьмя скульптурами. На левом, дальнем от Адмиралтейства, берегу конь ещё дикий, необъезженный, он пока даже не подкован. Вот он поднялся на дыбы, сбросил наземь всадника и грозит растоптать его! Но смелый юноша не выпускает из рук поводья (1).

Вот он уже привстал на одно колено, сильно натянув узду, и конь





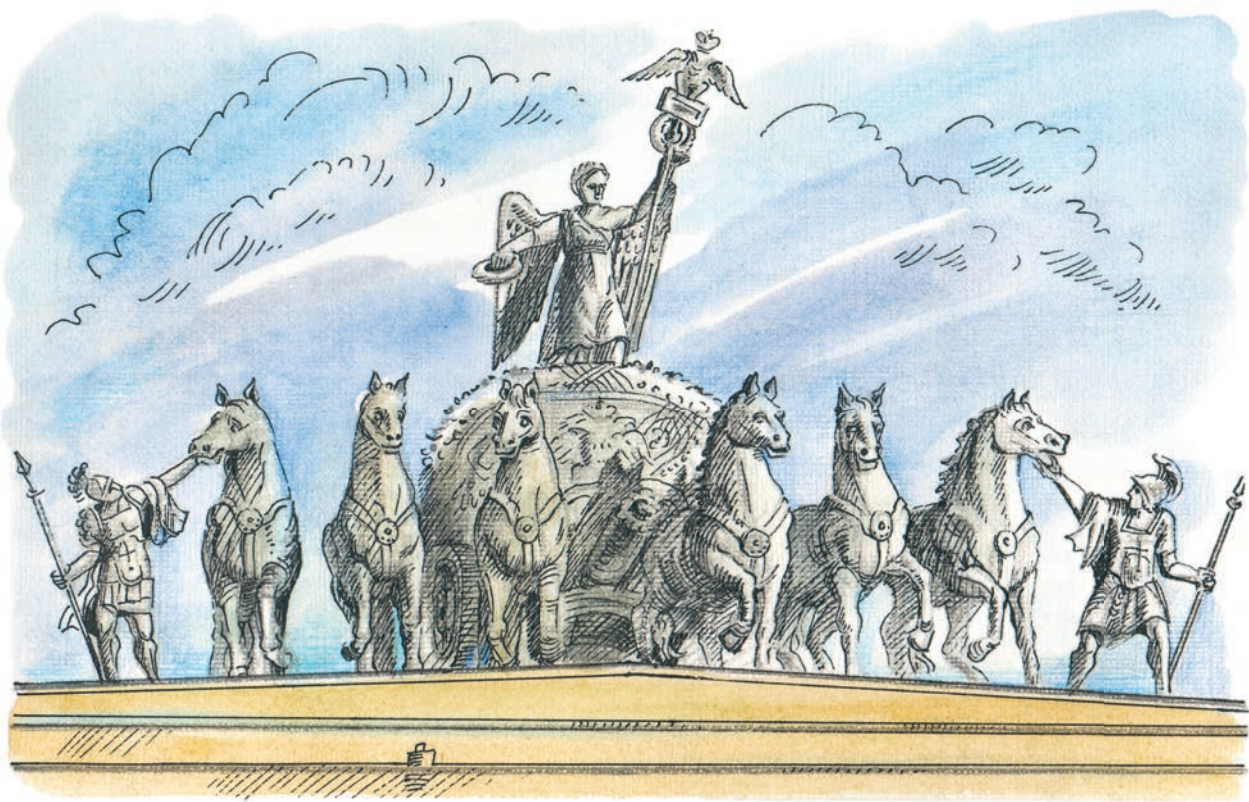
смирятся, ещё немного — и склонит гордую голову (2).

На правом берегу реки конь ещё показывает свой упрямый нрав, но человек крепко держит его под уздцы (3), и вот они идут рядом (4).

Создавая эти группы, Клодт думал не только о конях и всадниках. Это история покорения человеком

дикой стихии, гимн его мужеству, настойчивости и вере в победу.

Триумф — это торжество, победа. А в Древнем Риме так называли торжественное вступление в столицу полководца-победителя с войском. Такое шествие под радостные приветствия толп народа, трубные звуки и барабанный бой



были высшей наградой полководцу. По случаю самых важных побед в Риме сооружали триумфальные арки или ворота. Войска проходили через них строем, а военачальники въезжали на колесницах, запряжённых лучшими конями.

Более двухсот лет назад на земли России вторглась армия Наполеона. Весь народ тогда поднялся на борьбу, и враг был изгнан из пределов нашей Родины. В память об этих событиях в Санкт-Петербурге возведены две триумфальные арки, и обе увенчаны изображениями колесниц.

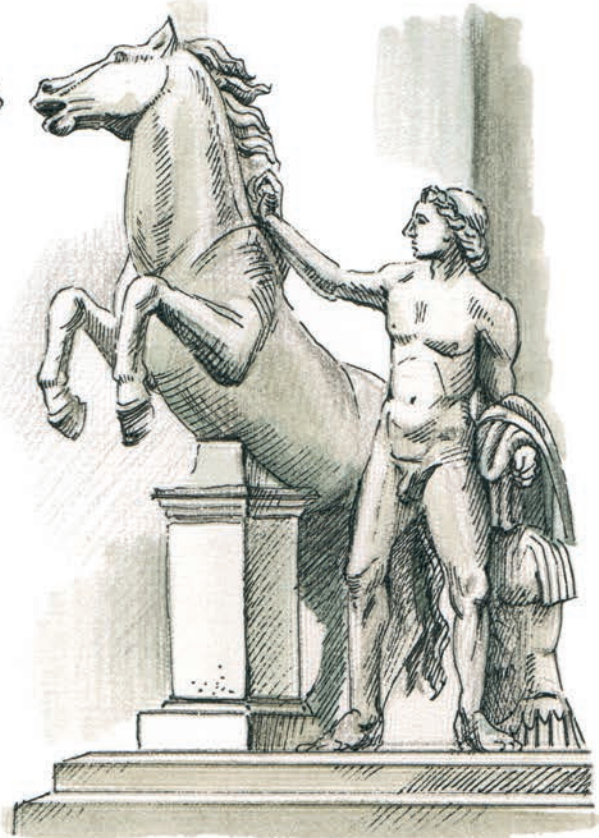
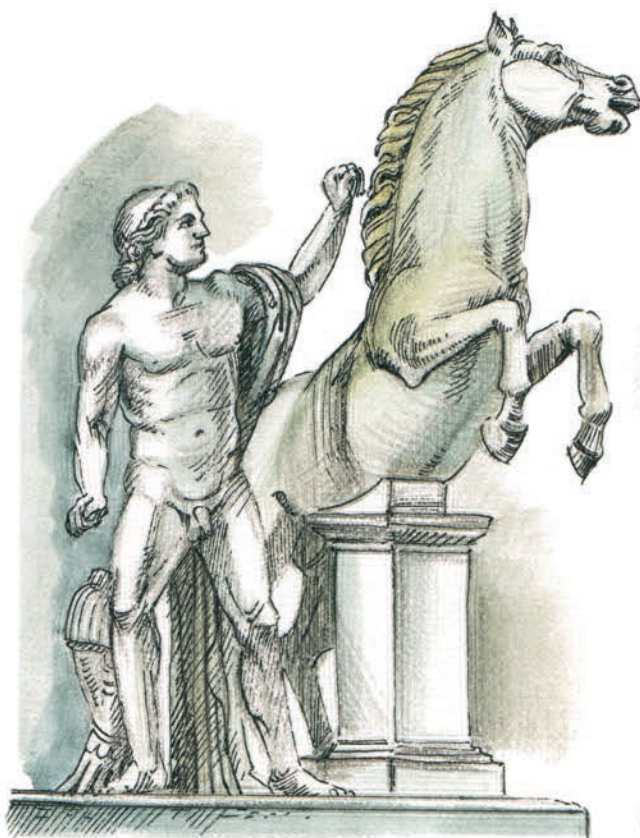
Одна из них — **арка Главного Штаба** — выводит нас на главную парадную площадь города — Дворцовую. Отойдём к Александровской колонне, обернёмся и поднимем

головы повыше. Вот как они выглядели, древнеримские колесницы! Небольшая повозка на двух колёсах, и в неё впряжена шестёрка великолепных коней. Величаво-спокойна их поступь, и, кажется, совсем не трудно двум воинам удержать их в строю. Богиня победы Ника вовсе не управляет конями; в правой руке у неё лавровый венок победителя, а левой она держит штандарт — знак воинской чести. В русской армии штандарты имели вид знамени, но у богини штандарт по образцу древнеримского — шест и фигура двуглавого орла. Прямо напротив арки — Зимний дворец, резиденция российских императоров. Вот куда спешит древнеримская богиня!

Конногвардейский манеж (Исаакиевская площадь, д. 1) был построен для выучки и парадных выездов солдат и офицеров лейб-гвардии Конного полка — лучших кавалеристов России. У входа в манеж установлены парные мраморные статуи ещё двух укротителей коней. Это братья, Кастор и Поллукс, вместе их называют Диоскурами. Братья Диоскуры были смелыми воинами. Никто не мог победить Поллукса в кулачном бою и превзойти Кастора в искусстве объезды диких лошадей и управления колесницей. Диоскуры были очень дружны. Однажды в бою Кастор получил смертельную рану. Горько оплакивал его брат, но не мог

спасти: Поллукс был бессмертен, а Кастор — нет. И тогда Поллукс стал умолять Зевса, самого главного бога, даровать ему смерть, чтобы он мог не расставаться с любимым братом. Зевс рассудил иначе: теперь братья Диоскуры вместе через день то блуждают по мрачному царству умерших, то пируют наравне с богами на вершине Олимпа.

Скульптурные портреты коней украшают фасады домов, где некогда находились ветеринарные клиники. И конечно, мы отыщем лошадей на здании **цирка** (набережная реки Фонтанки, д. 3А)! Кстати, знаешь, почему во всех цирках мира арены всегда одинаковые, ровно





тринадцать метров в поперечнике? Современный цирк начинался с акробатических номеров на лошадях. Лошадь должна бежать ровным галопом, так, чтобы её спина всегда

находилась под одним углом к центру арены, — только тогда смогут гимнасты выполнять свои головокружительные трюки. Опытным путём установили, что для этого лучше всего подходит именно такой размер арены. И теперь, куда бы ни приехали цирковые артисты на гастроли, на арене они чувствуют себя как дома.

Сто — сто пятьдесят лет назад нельзя было проехаться на трамвае — его ещё не придумали. А по городу ходила **конка** — конно-железная дорога. Вагоны конки были двухэтажными; проезд на втором этаже — империале — стоил дешевле, но зато и от дождя со





снегом защиты не было. И тянули вагончики конки две усталые лошади. Кучер звонил в колокол, предупреждая пассажиров о начале движения, а чтобы остановить конку, не натягивал поводья, а нажимал на педаль тормоза, совсем как современный вагоновожатый. Там, где дорога шла в гору, двум лошадям становилось совсем трудно, и к ним добавляли ещё пару. Это делал *форейтор*. На ровном участке он выпрягал дополнительных лошадей и вёл их назад, встречать следующий вагон.

Конка у станции метро «Василеостровская» — не памятник,

а, скорее, модель в натуральную величину. В вагон можно даже заглянуть (там помещается бюро путешествий). И кони, и форейтор, который держит их под уздцы, — это обобщённый образ, объёмная картинка из прошлого Петербурга.

Памятник лошади без лошади — возможно ли такое?

Лошадь — живое существо, ей надо есть и пить. Торбу с овсом извозчики обычно имели при себе, а воду с собой не повозишь. В разных местах города были установлены колодцы, краны или даже фонтаны. За поение одной лошади

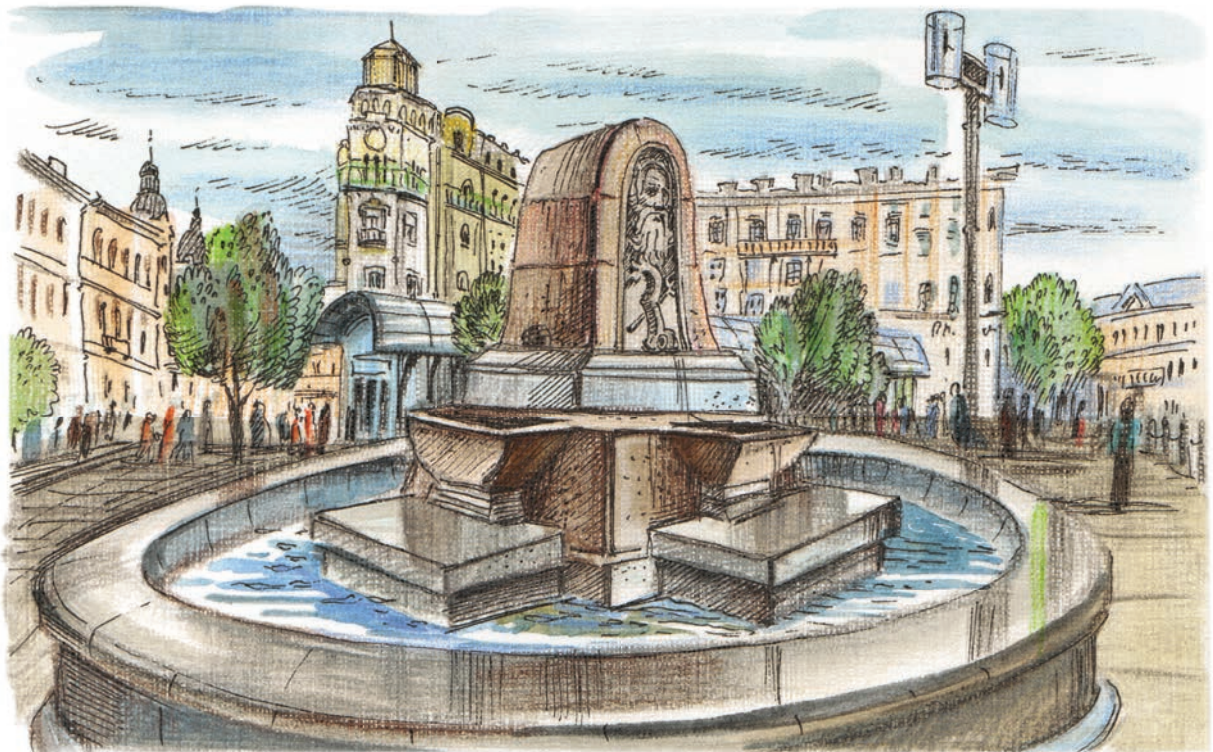


надо было заплатить копейку. Кажется, немного? Но за две копейки в те годы можно было купить десяток яиц или полкило говядины, за пять копеек — целую курицу. Воду ценили и зря не расходовали.

До наших дней дошли три **фонтана-поилки**. «Водолей», напротив Казанского собора, на Казанской

улице (ты видишь его на верхней картинке), по традиции включают весной самым первым.

Ещё один, «Нептун» (его художник нарисовал внизу), находится сейчас на Сенной площади, а третий — «Фонтан со сфинксами» — на Пулковском шоссе, при повороте на Царское Село.



И слышно, как ползёт змея

Главный памятник Санкт-Петербурга — **Медный всадник**. Под копытами царского коня извивается змея — огромная, очень опасная, но уже побеждённая. Это *аллегория*, то есть иносказание: царь Пётр победил противников нового города на берегах Невы, противников просвещения, армии и флота, врагов новой, сильной России.

Самая главная площадь города — Дворцовая. В центре её стоит **Александровская колонна**. На вершине колонны — ангел с крестом, а под ногами у него в смертельной агонии свилась кольцами ещё одна змея. Колонна — памятник победе России над войсками Наполеона в войне 1812 года. Змея — поверженные захватчики. Не будут они ползать по нашей земле!

Самый главный и самый большой православный храм города — **Исаакиевский собор**. И здесь находим змею! Под ногами у архангела (то есть главного ангела, предводителя небесного воинства) Михаила лежит, разинув пасть, высунув язык... Пойдите! Но разве такой язык должен быть у змеи?! И уши... Разве у змей есть уши? Нет! Змеи ничего не слышат! Эта змея — мировое зло, бывший



ангел Люцифер. Мы смотрим на скульптуру на южных дверях храма и понимаем, что добро всегда побеждает зло. А язык и уши змеи превращают её в фантастического змея, почти дракона.

